

Наталья
Шнейдер

Лиса в
АПТЕЧЬЕЙ
ЛАВКЕ

Наталья Шнейдер

Лиса в аптечной лавке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69363865

SelfPub; 2024

Аннотация

Жених изменил за неделю до свадьбы. В пылу ссоры попала в другой мир, а там – снова он, но теперь уже муж. Нет уж, хватит с меня этих высоких отношений. Открою аптеку, а он пусть отвяжется! Что значит "не хочет" ?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	35
Глава 5	45
Глава 6	54
Глава 7	62
Глава 8	72
Глава 9	82
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Наталья Шнейдер

Лиса в аптечной лавке

Глава 1

«Свадьбы не будет!» – Я ткнула в самолетик, отправляя сообщение, и тут же заблокировала адресата. Но не успела погасить экран, как телефон пикинул.

«Убедилась, что он мизинца твоего не стоит?»

Не ответив, я заблокировала и отправителя. С такими друзьями и врагов не надо.

– Что там? – Подруга потянулась, заглядывая в телефон, и я торопливо захлопнула чехол-книжку. – Чего-то ты бледная.

А Машка все-таки хорошая подруга. Заметить бледность в разноцветном полумраке ночного клуба... Я натянуто улыбнулась.

– Перебрала. Пойду продышусь.

Она встала вместе со мной, попыталась подхватить под локоть, но я отстранилась. Спустившись в холл, прислонилась лбом к стене – мутило, и вовсе не от выпивки. В груди свернулся ледяной ком.

– Лис, все в порядке? – Маша тронула меня за плечо.

– Не совсем, но разберусь, – натянуто улыбнулась я. – Су-

щая ерунда по сравнению с мировой революцией.

Просто не знаю, как теперь жить, но в целом – ничего не случилось. Земля не налетела на небесную ось, звезды не остановились, и утром солнце взойдет, как обычно.

– Просто нехорошо, – добавила я. – Не надо было столько на голодный желудок пить.

– Где там «столько»? Бокал шампанского? Ты как не врач.

– Я и не врач. Маш, я домой поеду. Плохо мне. – Я оперлась о стену, ноги не держали. – Остальных не грузи, нечего девичник портить. Я тебе на карточку скину, расплатишься, ладно?

– Алиса? Да что с тобой? Я тебя провожу.

– Нет, все нормально. – Все, чего мне хотелось сейчас, – запереться в своей квартире. Так смертельно раненное животное ползет в нору. – Просто устала и переволновалась, видимо, вот и накрыло.

– Бывает, – согласилась она. Нахмурилась, кажется, хотела что-то сказать, но, покачав головой, отстала. Спасибо ей.

Негнушимаися пальцами я вызвала такси. Упав на сиденье, перевела Маше деньги. Пусть погуляют на девичнике. Потому что на свадьбе гулять никто не будет.

Я стиснула зубы, пытаюсь не разреветься. Завтра. Я подумаю об этом завтра – и что сказать людям, и как все отменить. И платье... Первым делом – выкинуть платье, чтобы не напоминало. «Свадьбы не будет», – билось в голове.

Не будет.

«Лиса, пить надо меньше», – тренькнул телефон. Я ругнулась, забыв про таксиста. Второй Сашкин номер, рабочая симка. Что ж, сам напросился. Я ткнула пальцем в последнее видео галереи.

Салон такси наполнился приглушенной музыкой и характерными стонами.

– Простите, – буркнула я, приглушая звук. – Вирусняк поймала.

«Поделиться» – «Выбрать адресата».

«Пить действительно надо меньше, Саш. Свадьбы не будет».

Я стерла видео. Если бы можно было так же просто стереть картинку, которая, кажется, намертво пропечаталась на сетчатке. Мой жених рядом с писсуаром общественного туалета впивается губами в губы незнакомой девицы, и судя по тому, как ритмично движется его зад в полуспущенных джинсах, он ей не искусственное дыхание делает.

Отличный мальчишник, ничего не скажешь.

Ключом в замочную скважину удалось попасть не сразу: руки тряслись. Шагнув в квартиру, я рухнула на пуфик в прихожей и спрятала лицо в ладонях.

Почему так бывает – пакостит другой, а чувствуешь себя облитой грязью – ты?

Щелкнул замок, я подняла голову. Примчался. Алкогольные пары опережают на пару метров – даже я, слегка принявшая на грудь, чую, а таксисту, поди, закусывать придется

после такого пассажира.

Может, я погорячилась? Может, еще можно кто-то исправить?

– Кто тебе это прислал?! – с порога рявкнул он.

– Какая разница, Саш? – Я проглотила ком в горле. – Дело ведь не в нем.

– Игорь, да? Знал я, что этот гаденыш не просто так рядом круги наматывает! – Он саданул кулаком об стену в десятке сантиметров над моей головой.

Внутри пророс колючими иглами ледяной кристалл, проткнул диафрагму, мешая дышать. Страх. Раньше Сашка так себя не вел, но раньше и настолько пьяным я его не видела. Алкоголь тормозит тормозящие центры... Куда придется следующий удар – мне в челюсть?

Нет. Ничего уже не исправить. Скажи он просто «извини, бес попутал», я бы поверила. Постаралась простить. Но у него виноваты все, кроме него самого. Никогда не умел признавать ошибки, но до сих пор меня это не беспокоило. Что ж, хоть сейчас выводы сделаю.

– Да ты понимаешь, что он этого и добивается! – заорал Саша. – Чтобы ты меня бросила!

Да, именно этого он и добивался, и потому с Игорем мне тоже больше не о чем говорить. Но сейчас дело не в нем.

Я поднялась с пуфика – сидеть, когда над тобой нависают почти два метра роста и чуть меньше центнера мышц, было страшно. Но все равно пришлось смотреть на жениха...

бывшего жениха снизу вверх.

– Да, именно этого Игорь и добивается. Чтобы мы с тобой расстались. И потому он затащил тебя в туалет, снял с тебя штаны и запихнул твои причиндалы в постороннюю бабу.

Я подхватила сумочку. Переночую в гостинице: есть тут неподалеку одна приличная.

Только бы не разреветься при нем.

– Да ты сама виновата! Ты даже скандал не закатила, когда мальчишник решил собрать. Ты же не школьница, знаешь, как мужики гуляют!

– Да, я сама виновата, – не стала я спорить. – В том, что тебе доверяла.

Я прокусила губу. Слезы душили, перекрывая горло.

– Да ты ледышка чокнутая, любая нормальная баба на твоём месте бы рыдала сейчас или орала как ненормальная, а ты... Рыба снулая, ни один нормальный мужик с такой не выдержит!

– Я поняла, Саш. Дело не в тебе, дело во мне.

Наверное, и вправду во мне. Работа медицинского представителя денежная, но и выматывает, к концу дня от общения устаешь так, что не остается сил даже рот раскрыть. Конечно, не в реанимации, как у Сашки, тут и сравнивать нечего, и все же... Наверное, мне надо было найти силы. Наверное, мне надо было быть мягче, мудрее и так далее и тому подобное. Даже сейчас.

Только тот, кто предал один раз, – предаст и второй.

– Собирай вещи, Саш. Я вернусь завтра вечером, тебе хватит этого времени.

С одной стороны – хорошо, что квартира моя, к куче проблем не добавится еще необходимость срочно искать свой угол. С другой – я бы сейчас просто собрала все в сумку и ушла, и все, а так придется наводить после него порядок, то и дело натываясь на забытые вещи, и задыхаться от боли.

– Да ты охренела вконец? Гости приглашены, ресторан забронирован! Что я им скажу?

Да, гости. И родители. И все будут советовать «не рубить сплеча». Правильно, в общем-то, советовать, но, чтобы понять, хочу ли я и могу ли его простить, нужно время. Время подумать, не оглядываясь на назначенную дату свадьбы и мнение посторонних людей. Не этим посторонним ложиться с ним в постель, передергиваясь от брезгливости, – а сейчас мне противно было даже думать об этом.

Я пожала плечами.

– Скажешь, что не нашел в себе сил хранить верность чокнутой ледышке и снулой рыбе.

Сашка схватил меня за руки, потрянул так, что мне показалось – голова оторвется.

– Нет уж! Я тебя этому козлу не отдам! Никуда ты не пойдешь! Ты – моя жена, плевать на формальности, и...

Я рванулась – он не удержал равновесие, – и мы оба повалились куда-то вбок. Я попыталась уцепиться хоть за что-то, но Саша все еще крепко сжимал мои запястья. Удар. Искры

из глаз. Темнота.

Когда мрак рассеялся, надо мной снова нависало знакомое лицо. Пахнуло спиртным.

– Вы всерьез полагаете, что целителя можно обмануть притворным обмороком? – ухмыльнулся Саша.

Я изумленно моргнула. Целителя? Да и вообще, никогда мы с Сашей на «вы» не общались. И во что он этакое вырядился? В последний раз подобные наряды я в кино про старину видела. Кажется, не только меня здорово по голове приложило.

Я медленно села. Александр выпрямился, но руки мне не подал, так и встал, нависая надо мной, точно каланча. Отсюда, снизу, он казался еще выше и еще мощнее – сказывались несколько лет в тренажерном зале, куда он ходил «перерабатывать адреналин, чтобы не спиться».

Все-таки мы с ним были красивой парой. Он – высокий, широкоплечий брюнет, и я – мелкая, стройная, рыжая. «Лиса Алиса и кот Базилио» – дразнили нас друзья. Меня моя кличка скорее забавляла, тем более я и в самом деле Алиса, а вот Александр бесился. Он и правда не походил на кота из кино. Скорее на барса – хищного черного барса. Всегда знал, какое впечатление производит на женщин, и нагло этим пользовался. Вот и... допользовался.

Александр продолжал смотреть на меня сверху вниз, и у меня сердце зашлось от боли. Пропави пропадом все эти любви! Будь я в самом деле бесчувственной ледышкой, на-

сколько легче стало бы сейчас.

Я отвела взгляд, коснулась затылка и зашипела, обнаружив здоровую шишку.

– В следующий раз, прежде чем падать в обморок, убедитесь, что приземлитесь на мягкое, – едко произнес он. – А лучше просто скажите, что вас пугает перспектива первой брачной ночи. Я бы подумал, как этому помочь. Насиловать перепуганных девственниц – не в моем вкусе.

– Ну да, в твоём вкусе – уестествить прожженную шлëндр в заплеванном сортире кабака! – не выдержала я, подскокив на ноги и на миг забыв о его странном наряде.

На лице Александра промелькнуло изумление.

– Алисия, вы в своем уме? – Он потянулся ко мне. – Дайте сюда, посмотрю, не слишком ли сильно вы ушиблись. Кажется, я перестарался с вашим воспитанием.

– Не трогай меня! – вскрикнула я, отскакивая. «Перестарался с воспитанием» – неужели он меня еще и побил? Тело ныло, и голова болела, но это могли быть последствия падения.

– Прекратите капризы и идите сюда. – На лице его заиграли желваки, словно сам мой вид неимоверно его бесил. – С травмами головы не шутят.

Но я застыла на месте. Закрыла глаза, ошалело замотав головой, снова открыла. Ничего не изменилось. Просторная комната, обшитая деревянными панелями, паркет, который сделал бы честь элитному особняку, камин, старомод-

ные кресла и свечи. Свечи!

И платье на мне – длинное, в пол, с пышной «принцессинной» юбкой.

– Куда ты меня приволок! Во что обрядил? – вскрикнула я.

– Куда я мог приволочь, – он выделил голосом последнее слово, – молодую жену? Мы в моем, точнее, уже нашем поместье. – Он снова шагнул ко мне. – Алисия, успокойтесь. Не следовало до этого доводить, но раз уж так вышло, голову все же надо осмотреть.

– Убери от меня руки! – Отпрыгнув, я запуталась в юбках. Пошатнулась, выставила назад локоть в попытке удержаться. Больно ударилась – хорошо хоть не в стекло влетела. Оконная рама распахнулась под моим весом, и я едва не выпала на улицу.

– Да что ж вы так убиваетесь, вы же так не убьетесь, – ехидно проговорил Александр.

Я с трудом протащила воздух в легкие. Бежать. Немедленно. Кажется, я поняла, что произошло.

Задрав юбки до пояса, я сиганула через низкий подоконник в ночную темноту. Не глядя – но повезло, не ушиблась.

– Алисия! – донеслось из окна.

Я скорчилась под стеной, придерживая юбки, начала осторожно красться вдоль дома.

– Да и демоны с тобой, дурой, набегаяешься – сама вернешься, – проворчал Сашка.

Ага, счас! Бегу, спотыкаясь и падая!

Я вспомнила, как мы с ним вместе смотрели фильм – за-была, как называется, – про то, как, отчаявшись перевоспитать избалованного сынка, отец-богатеи организовал ему «попадание в прошлое». Наняв толпу актеров, само собой. Саше, помнится, подобные «воспитательные методы» очень понравились.

Похоже, поняв, что я действительно очень зла и всерьез готова выставить его из дома и отменить свадьбу, Александр решил попробовать такой же метод. Он упоминал как-то, что у родственников есть дом в деревне, правда, сам он при мне никогда туда не ездил. Видимо, когда я вырубилась от удара, вколол что-то, чтобы провалялась подольше, да и приволок в тот самый домик. До свадьбы неделя, глядишь, и образумлюсь, когда пойму, что деваться некуда.

Да ни за что на свете! Я всегда говорила и сейчас повторяю, что такой трюк мог придумать только опасный псих!

Из окна, между тем, донеслось задумчивое:

– Еще суток не женат, а уже хочется овдоветь.

Нет уж! Не куплюсь!

Дом окружал густой сад, свет луны почти не пробивался сквозь деревья, но все же я сумела разглядеть тропинку, которая вела к ограде. Ворота были закрыты, но по кованым завитушкам взобралась бы даже дородная матрона. Я подвязала юбки узлом на поясе, чтобы не мешались, перелезла на ту сторону. Огляделась. Мимо дома вдоль поля – или

луга, кто его разберет посреди ночи, – вела утоптанная до каменной твердости грунтовка, вдалеке, ближе к горизонту, виднелись несколько огоньков. Значит, там люди, у которых можно попросить помощи или по крайней мере телефон. Не мог же Александр подкупить всю округу!

Выясню, что это за место, предупрежу своих, чтобы знали, где меня искать, и домой!

Глава 2

Я двинулась по дороге. Через пару десятков шагов, выругавшись, скинула туфли. Это не обувь, это какие-то пыточные колодки: узкие, жесткие и трут нещадно. Следом стащила чулки – да не капроновые с кружавчиками, а из тонкого, кажется, хлопкового трикотажа, перехваченные лентами чуть выше колен. Вот ведь зараза, все продумал! Я сунула туфли и чулки в карман, который получился из подвязанных юбок. Благо камней на дороге не было, можно и босиком пройтись.

Пока я возилась с неудобной обувью, огни впереди исчезли. Я снова ругнулась. Ну и ладно, луна светит, так пойду. Возвращаться к Александру я не собираюсь. От человека, способного на подобные фокусы, нужно держаться подальше. Сегодня он меня украл и морочит голову, «перевоспитываая», а завтра, поняв, что затея не удалась, просто разозлится и прибьет! Вернусь домой, первым делом сменю замки.

Только он ведь не отвяжется. Уехать? Как раз отпуск к свадьбе запланирован, возьму еще пару дней и рвану в глушь к дальним родственникам. Непонятно, правда, на какие деньги, все же на свадьбу ушло... Займу, жизнь дороже. А через месяц, глядишь, он и остынет...

Стоп, а куда я уеду, документов-то у меня нет! Я замедлила шаг. Вернуться и потребовать отдать паспорт? Перед гла-

зами встало ехидное лицо Александра, его ледяной голос – никогда я не слышала у него таких интонаций. Я поежилась. Нет. Он сильнее, просто запрет меня и все. И «перевоспитает» в конце концов: упрямства во мне на десятилетия, конечно, только не зря говорят, что сила соломѹ ломит.

Возвращаться нельзя. Значит, надо узнать, где я. Позволить родителям и, по ситуации, или попросить их нанять такси, приехать и забрать меня, или попробовать добратъся домой самостоятельно, если меня завезли не совсем уж в глушь.

Нет, сама я далеко не уйду в этом карнавальном наряде и босиком, а пока жду родителей, Сашка меня найдет. Тогда что? В полицию? Поверят ли мне или решат, мол, милые бранятся – только тешатся, и отправят восвояси? Заявление они принять обязаны, но как заставить эту обязанность исполнить? Одно дело – в родном городе, при документах, телефоне и интернете, где всегда можно узнать, кому жаловаться и эту жалобу отправить, другое – у черта на рогах, без паспорта, связи и денег. Можно и нарваться. Нет, я не считала всех полицейских злодеями, ведь они такие же люди, как все, занятые тяжелой и неблагодарной работой, что характер не улучшает. А потому – как повезет, и логика подсказывает, что скорее не повезет.

Неужели тупик?

Под босую пятку подвернулся камешек, я подпрыгнула, ругаясь. Нет, нельзя паниковать! Помогут мне в полиции или

нет – не узнаю, пока не проверю. Как говорит моя начальница, «на незаданный вопрос ответ всегда „нет“». Поэтому – вперед и только вперед, пока мой похититель не понял, что обратно я не приползу.

Тем более что и деревня – вот она, рядом. Занятая своей бедой, я и не заметила, как дошла до нее и остановилась, ощущая неправильность происходящего. Если бы не собачий лай, можно было бы подумать, что деревня вымерла. Ни фонарей, ни сияния окон, ни голубоватого отсвета телевизоров из-за стекол. Только кое-где виднелись вертикальные светящиеся полосы – щели в ставнях, и свет казался тусклым, теплым, словно он от настоящего огня, а не электрический.

В какую глушь Александр меня притащил?! Тут, похоже, даже электричества нет – ни одного столба!

Откуда-то из-за плетня выскочила шавка по колено мне, затавкала неожиданно басовито, заскакала вокруг меня. Я выудила из складок юбки туфлю, перехватила поудобней – хоть каблуком засветить, если что. Хотя вряд ли поможет.

Я осторожно сдвинулась к ближайшему крыльцу, шавка побежала за мной, следом выскочила еще одна псина, мне по пояс. Бросило в холод. Говорят, собаки чувят запах страха, значит, бояться нельзя – но как тут не бояться?

Я постучала в дверь. Прислушалась, пытаюсь понять, отреагировали ли хоть как-то с той стороны. Спят? Вряд ли, этот лай мертвого поднимет. Я постучала еще.

Из-за угла вылетел еще один кабыздох, такой же здоровенный, как и второй, и тоже явно дворянских кровей. Зарычал, скаля зубы.

Я заколотила в дверь каблуком туфли, изо всех сил вертя головой, чтобы увидеть хозяев, если они все же откроют, и не упустить момент, если на меня кинутся собаки. Хотя вряд ли я отобьюсь туфлей даже от одного пса.

Дверь отворилась так резко, что я едва не засветила каблуком прямо по лбу мужику. Кряжистый, сутулый, он словно сошел с фотографий дореволюционной деревни – тех, на которых тридцатилетние казались стариками, согнутыми непосильной работой. Босой, в просторной рубахе непонятного цвета и штанах, продранных на коленях.

– Чо колотишься? – Он смерил меня тяжелым взглядом, и я попятилась прежде, чем увидела топор в широкой ладони.

– Помогите... – пискнула я.

– Не подаю. – Он грубо толкнул меня в грудь.

Я слетела с лестницы, чудом удержавшись на ногах. Шавки радостно окружили, заглушив лаем стук закрывшейся двери. Кажется, их стало больше. Я попятилась, выдернула дрын из кривого штакетника – едва ли мне бы это удалось, будь забор сделан на совесть, но этот, кажется, не подновляли целую вечность. Перехватила поудобнее.

Кабысдохи прекрасно знали, что такое палка, – кольцо, окружившее меня, расширилось, правда, и лай стал злее.

По-прежнему пятясь, я продвинулась к соседнему дому.

Может, там хозяева окажутся поприличней. Постучала. Никакой реакции.

Еще в одном доме мне ответили руганью.

Да что ж это за место такое! Может, сектанты? Из тех, что считают грехом любое достижение цивилизации? Потому и электричества нет, и одеты непонятно во что, и от чужаков греховных шарахаются.

Мама дорогая, вот же я влипла!

Стучаться еще к кому-то я не решилась. Все так же, пятясь и сжимая дрын, проследовала по деревенской улице. На околице шавки отстали, но нескоро я решилась повернуться к ним спиной. А едва развернувшись – рванула прочь.

Не знаю, сколько я так пробежала. Остановилась, только когда не смогла сделать больше ни шага. Оперлась на палку, которую так и не выпустила, сложилась – каждый вдох обжигал грудь, в правом боку кололо, и ноги вовсе отказывались держать. Я плюхнулась на дорогу, вытерла подолом потное горящее лицо. Сглотнула – в горло словно песка насыпали, а у меня, конечно, ни капли воды! Ладно, когда-то в детстве, когда я занималась фигурным катанием, нам запрещали пить два часа после тренировки, якобы это увеличивает нагрузку на сердце. Потом я узнала, что все это ерунда... но если тогда не умерла от обезвоживания, то и сейчас не умру.

Я заставила себя выпрямиться и оглядеться. Ничего себе я побегала! Во все стороны простиралось поле, залитое лунным светом, тут и там торчали стога. Жуткой деревни видно

не было. Отличная штука – адреналин! Жаль, его не хватит, чтобы добраться к людям. Нормальным людям, а не чокнутым сектантам, боящимся электричества.

Кряхтя, точно бабка, я поднялась. Да уж, кончился адреналин: коленки подрагивали, саднили сбитые ступни, и больше всего мне хотелось сейчас упасть и разреветься. Появись здесь Александр – в таком состоянии бросилась бы ему в объятья, забыв обо всем.

Вот только в этой зад... дыре я оказалась именно из-за него. Не сама же я в эту глушь перенеслась! А потому хватит реветь – хватит реветь, я сказала, и так пить хочется! – и вперед. Подальше от него и поближе к нормальным людям. Остались же в этом мире нормальные люди!

Я снова двинулась по дороге, уже не так бодро. Надежда слабела, сменяясь отчаянием. Далеко ли так уйду я, типичная горожанка, привыкшая даже в магазин за углом ездить на машине? И, кстати о машинах, сколько времени понадобится, чтобы меня догнать на колесах? Пятнадцать минут? Полчаса? Свернуть с дороги – не вариант, так хоть какой-то ориентир, без нее я начну блуждать кругами. Я прислушалась, не рычит ли мотор. Нет, только где-то вдалеке завывала птица, да так тоскливо, что я снова едва не расплакалась.

Нет, рано я расклеилась! Я молодая, здоровая и сильная, «пахать можно», как говаривает папа. Выйду. В конце концов, вокруг не тайга и не бескрайние степи, где от жилья до жилья сотни километров. Судя по тому, что я не чувствую

ни слабости, ни сильного голода, в отключке я пробыла не больше суток, и сколько-то времени Александру понадобилось, чтобы привести в порядок дом: тот выглядел чистым, и не было того затхлого запаха, что неизбежно поселяется в нежилых помещениях. Да и организовать все надо было. Значит, не так уж далеко я от нормальных людей, главное, не сдаваться.

Заурчавший живот напомнил мне, что не духом единым жив человек. Ничего. Буду считать это разгрузочным днем, а вода рано или поздно попадетсЯ.

Над головой пронеслось что-то темное, быстрое. Я взвизгнула, присев. Тут же разозлилась на себя. Обычная летучая мышь, нашла чего пугаться! Но страх, раз пробравшись в разум, собрался там прочно поселиться.

А вдруг в этой глуши водятся волки? Да, воя не слышно, но где-то я читала, что они не воют, когда охотятся. Или рысь какая сиганет на голову, как раз поле закончилось, сменившись пролеском. Я выругалась на собственную глупость. Как будто рыси заняться больше нечем, только на меня охотиться, когда в лесу и без того дичи полно!

Просто я устала и напугана, вот и мерещится что попало. Ничего, все будет хорошо. Назло этому козлу доберусь до дома. А пока выбираюсь, будет время подумать, как устроить ему веселую жизнь!

Разбанить, что ли, Игоря? В конце концов, если бы не он, я бы не узнала, что мой жених не просто кобель, а самый

настоящий маньяк. Нет, об этом я тоже подумаю потом.

Еще сколько-то мне удалось продержаться, придумывая разнообразные способы мести. Начиная от примитивных, например пшена на крышу машины, и заканчивая деяниями, прямо запрещенными уголовным кодексом. Но в конце концов и это приелось, а я поняла, что если не отдохну прямо сейчас, то умру через четверть часа.

Лесок снова сменился полем, стог виднелся совсем рядом с дорогой, и я не выдержала. Все равно машину я не обгоню, а спать тоже надо.

Я шагнула с дороги, вскрикнула, когда стерня впиалась в ноги. Не знаю, каким чудом мне удалось не потерять туфли, но едва надев их, я зашипела от боли – опухшие ступни с трудом в них помещались. Ладно, перетерплю, тут пройти всего ничего.

Я кое-как взгромоздилась на стог, внутри которого что-то шуршало и пищало. Прогнала мысли о мышинной лихорадке и провалилась в сон.

Открыв глаза, я не сразу сообразила, где нахожусь. Солнце слепило, все тело ломило, и сесть мне удалось не сразу. А когда села и огляделась, сердце подпрыгнуло от радости: где-то на полпути к горизонту блестела река, а за ней виднелись каменные дома. Город! Самый настоящий город! Небольшой, судя по тому, что многоэтажек я отсюда не видела...

Я застыла, а потом завертела головой, вглядываясь в окрестности до боли в глазах. Хорошо, пусть город такой ма-

ленький, что даже хрущевок там нет. Но ни один город не может жить без электричества, а я не обнаружила ни одной ЛЭП, хотя в поле их должно быть видно издалека.

Не веря себе, я сползла со стога. Проскакала по стерне, шипя и кривясь от боли, но остановиться и обуться казалось невозможным. Быстрее, нужно быстрее. Просто город слишком далеко, и я не вижу. Надо просто подойти поближе, чтобы заметить следы цивилизации.

– Юбки одерни, бесстыдница! – раздалось за моей спиной.

Я оглянулась. Мимо проехала телега – телега, запряженная лошастью! На передке восседал сгорбленный дедок.

– Чо глазами лупаешь? Смотреть противно, тьфу!

Он смачно харкнул, я шарахнулась, плевков угодил в пыль в десятке сантиметров от моих ног.

Я уставилась на них, точно впервые – да что там, на самом деле впервые *увидев*. Пыль, разводы грязи... И ни следа педикюра. Поднесла к лицу руки. Мои – с узкими ладонями и тонкими пальцами, как у женщины, никогда не занимавшейся физическим трудом. И в то же время чужие: вот этого едва заметного шрама у основания указательного пальца у меня точно не было. Аккуратно и коротко, как я люблю, подпиленные ногти. Ни намека на лак, а ведь я только два дня назад сделала гель...

Кажется, я попала. По полной.

Глава 3

Тело и разум словно онемели. Не сознавая, что делаю, не чувствуя боли, я сошла с дороги; шатаюсь, двинулась к стогу, где провела ночь.

– Еще и пьяная! – донеслось в спину. – А ведь одета как госпожа...

Я прислонилась грудью к стогу, ткнулась в него лицом, жесткое сухое сено царапало кожу. Попыталась ухватиться, удержаться, но устоять на ногах все же не получилось, и я сползла на землю да так и замерла.

Выходит, Сашка меня убил.

Эта мысль, словно нож, прорвала вязкое безразличие, окутавшее меня. Я затряслась не то от смеха, не то от слез, вцепилась зубами в кулак, чтобы не завывать в голос. Вот так это, оказывается, бывает. Живешь себе, любишь и думаешь, что любят тебя, а потом... И ведь наверняка он не хотел, чтобы до этого дошло. Только какая разница: хотел – не хотел? Есть действия, и есть их результат. Он меня толкнул, и он же, не удержав равновесие, не позволил удержаться и мне.

А разбираться с этим «результатом» теперь не ему.

Нет, конечно, остается вариант острого психоза. Возможно, я нырнула в галлюцинации, не вынеся потрясения. Но сойти с ума из-за кобеля, пусть даже любимого кобеля... Как-то это унижительно, что ли. Лучше уж признать, что я в

самом деле оказалась в другом мире.

Или все-таки сесть в позу лотоса, запеть мантры и подождать, пока появится добрый доктор с волшебными укольчиками?

Я зажмурилась, потеряла лицо, зашипела, задев свежую ссадину – все же расцарапала кожу о колючую траву, сползая со стога. Слишком уж реальной для галлюцинации была боль. Тут же, вопреки всему происходящему, громко заурчал желудок, и снова безумно захотелось пить.

Нет, сидеть на месте и ждать, пока проблема разрешится сама собой, не вариант. Если я действительно сошла с ума, добрый доктор никуда не денется. А если я попала – во всех смыслах попала, чтоб его, – нужно действовать, иначе эта новая жизнь окажется намного короче предыдущей.

Мысли заскакали, путаясь, я затрясла головой, пытаюсь их уложить.

Выходит, Александр, от которого я сбежала, как от опасного психа, меня не крал.

И это вовсе не Александр.

Я снова зажмурилась, заставляя себя вспомнить. Выражение лица. Пренебрежительно-насмешливое, с легкой ноткой брезгливости – так смотрят на кота, который наелся полиэтилена и тошнит на ковер. Тот Сашка, которого я знала, никогда не смотрел на меня так.

Тот Сашка, которого я знала, никогда бы меня не...

Я заставила себя оборвать эту мысль. Выходит, плохо я

его знала, и больше не стоит об этом думать, ничего уже не изменишь.

Одежда. Шелковый с узорами жилет, идеально сидящий по фигуре пиджак, или как он тут называется. Сюртук? Слишком идеально сидящий. Гордый разворот плеч вместо легкой сутулости «качка». Да уж, этот человек, кто бы он ни был, свои мышцы не в тренажерном зале наращивал. Жесткая складка у чувственных губ, таких знакомых и...

Хватит!

Кажется, я воскликнула это вслух – на дороге заржала и дернулась лошадь, а следом до меня донеслись проклятья. Но слезать с телеги и разбираться с «малахольной» поленились, и на том спасибо.

Этот человек, кто бы он ни был, назвал меня своей женой. Так, может, вернуться и сделать вид, будто я – это в самом деле она? Меня-то первой брачной ночью не испугаешь, хотя, конечно, это не тот опыт, который хотелось бы повторить.

«Набегаешься – сама вернешься, – вспомнилось мне. И следом ленивое: – Еще суток не женат, а уже хочется овдоветь».

Нет уж! Что бы ни заставило этого мужчину жениться на мне... то есть на моей предшественнице, сделал он это явно не из-за большой любви. И, кажется, свою свежеиспеченную жену он тоже убил, иначе я бы не заняла ее тело. Да и как еще трактовать его «перестарался с воспитанием» и «не следовало до этого доводить»?

По спине пробежал мороз, я передернула плечами. Нет, что угодно, только не к нему.

К тому же брак подразумевает супружескую жизнь. Спать с незнакомым – да, похожим на знакомого, но все же чужим – мужчиной ради еды и крыши над головой?! Это надо дойти до полного отчаяния, а я еще побарахтаюсь. В конце концов, это тело, так похожее на мое, ведь не из ниоткуда взялось? Должны же у него... теперь у меня быть родные? Друзья, которых можно попросить помочь? Дом? Какое-то имущество?

Конечно, вполне может оказаться, что здесь женщине вообще никакого имущества не полагается и, как в викторианской Англии, даже платья ее принадлежат мужу или отцу. А родственники, если найдутся, немедленно вернут меня любящему супругу.

Но не проверишь – не узнаешь. Сидя на одном месте, я свои проблемы точно не решу.

Так. Что мы имеем.

Я оглядела себя. В глаза бросился тонкий серебристый браслет на левом запястье. Странно, что я его заметила прямо сейчас. Я нащупала мочку уха и серег не обнаружила. Значит, этот браслет – мое единственное украшение, но его можно продать. Что еще? Я развязала узлы, удерживающие юбки поднятыми, разгладила ткань – сатин, покрытый изящными розочками, тонкий и шелковистый, со сложным переплетением там, где был узор – так что розы, пропечатанные на нитках до того, как выткали ткань, казались объемными.

Нижние юбки из батистового шитья. Если я ничего не путаю, батист считался дорогой тканью.

«Одета как госпожа», – сказал тот старикан, что обозвал меня пьяной потаскушкой. Что ж, уже неплохо. В любом мире лучше быть госпожой, чем скотницей.

Хотя, пока я не узнаю, кто я, скорее всего, придется черной работой заняться. Желудок снова взвыл, точно напоминая, что кто не работает – тот не ест. Ничего, я не гордая, могу и полы помыть, если придется.

Я влезла в туфли, зашагала к дороге. Сейчас доберусь до реки, приведу себя в порядок, насколько это возможно. Хорошо бы какой родник по дороге попался, тогда и попила бы – пить из реки я рискну, только умирая от жажды, а пока до этого не дошло. Потом дойду до города, попробую устроиться... хоть посудомойкой для начала, горничной без имени и рекомендаций меня вряд ли возьмут, а о моей профессии из другого мира и вовсе стоит забыть. Пообживусь, посмотрюсь, а там видно будет, что дальше.

И все же это «что дальше?» упорно крутилось в голове, приводя в отчаяние, как будто и без того было мало забот. Болели ноги, рот, кажется, слипся намертво, солнце, поднявшись, пекло голову, к потной коже липла пыль. В довершение всего приходилось то и дело отступать к самому краю дороги, пропуская телеги и конных. В очередной раз услышав за самой спиной копыта, я шагнула в сторону и услышала женский голос:

– Милая леди, как вы здесь оказались в таком виде?

Я оглянулась. В повозке без дверей, но с крышей сидели женщина средних лет и мужчина по виду лет двадцати пяти. Женщина вгляделась в меня, подслеповато щурясь, а мужчина выдохнул:

– Алисия?

Я ошалело уставилась на него. Игорь?!

Да что это за бред такой? Сперва Александр, который не Александр, теперь Игорь, который... а как его тут зовут? Впрочем, и я ведь тут не я. И тоже очень сильно похожа на себя – по крайней мере то, что я могу разглядеть, и имя...

– Что ты... Что вы здесь делаете! – Он соскочил с коляски, схватил меня за плечи, вглядываясь в лицо. – На кого ты похожа! Что случилось? Он обидел тебя?!

И что, спрашивается, ему ответить?

– Не помню, – прошептала я.

Горло перехватило, и я прокусила губу, чтобы не разрыдаться. Это его искреннее участие словно сломало во мне что-то, заставив почувствовать себя маленькой и слабой. Или просто слишком много впечатлений со вчерашнего вечера на меня одну?

– Алисия, милая, иди сюда.

Вот теперь я ее узнала. В моем мире тетя Люда носила выжженный блонд, а здесь ее лицо обрамляли каштановые, как у сына, локоны, с изрядной проседью. И, конечно, никаких очков.

Я послушно взобралась в коляску. Кажется, слишком сильно задрала юбки, потому что брови женщины на миг взлетели на лоб, а потом она повторила:

– Что случилось, деточка? Почему ты здесь? И где твои чулки?

Ответить я могла только на последний вопрос, зато совершенно честно:

– Не помню.

Где я их потеряла? Может, в стогу, а может, и раньше, где-то по дороге. Какая разница?

– Ксандер сказал, что его жене нездоровится, – прошипел Игорь, или как его теперь звать. – Я вернусь и...

– Ты закроешь рот, отойдешь на три ярда и дашь нам спокойно поговорить, – сказала тетя Люда, и Игорь мгновенно заткнулся. Сжал кулаки, но в самом деле отошел на несколько метров. – Бедная девочка, иди сюда. – Она притянула меня к себе, как в детстве.

Мои родители вечно пропадали на дежурствах, тетя Люда, наша соседка, считала, что главное для женщины – муж и дети. Так и получилось, что с разбитыми коленками и двойками я куда чаще прибегала к ней, чем к маме. И сейчас, ткнувшись в полное плечо, я вдруг разрыдалась, точно та маленькая девочка, которой была когда-то.

– Ну-ну, все хорошо. – Она погладила меня по спине. – Все будет хорошо.

Что-то в ее тоне подсказало мне, что она сама в это не

слишком верит. Я заставила себя скрутить слезы, выпрямилась.

– Простите.

– Вот, возьми. – Она протянула мне кружевной платочек с монограммой.

Я послушно вытерла лицо.

– Алисия, милая, – осторожно начала она. – Конечно, об этом должна была рассказать тебе мама, но раз уж она не смогла...

– А что с ней? – Тревога сжала грудь, я не сразу сообразила, что моя мама осталась в том мире, а здесь – мама совсем другой девушки. Той, что была Алисией.

– Опомнись, твои родители десять лет как на кладбище. Вместе с моим мужем. – Тетя... Люция приложила платочек к глазам, оставшимся, впрочем, сухими.

Да уж, нашла о чем спросить! Но оправдываться было поздно, и я промолчала. Стыдно сказать, но я обрадовалась. Как ни крути, но родители прежде всех заподозрили бы неладное. Может, перед посторонними и удастся отговориться потерей памяти, но семья-то быстро поймет, что дело нечисто. Впрочем...

– Я не помню... – прошептала я.

Да, вот оно, оправдание. Я не помню. Ничего не помню.

– Я тоже хотела бы забыться. – Она снова промокнула глаза платком. – Но от наших желаний ничего не зависит. Так вот, на правах давней подруги твоей матери... Если тебя до

такой степени напугало то, что происходит в спальне между супругами...

Я нервно хихикнула. Да, конечно, страшнее мужского органа в мире ничего нет. В чужом мире, где даже я сама – уже не я.

– Надо перетерпеть, девочка. Супружеский долг – это испытание, которое приходится нести с честью.

Долг? Испытание? А я всегда думала, что радость. Радость дарить любовь и получать ее.

Впрочем, мне сейчас только супружеского долга для полного счастья не хватало.

– Награда за это испытание – счастье материнства. – Она посмотрела через мою голову на сына.

– Дело не в этом. – Я в последний раз шмыгнула носом. Вернула платочек. – Спасибо. Я в самом деле не помню. Просто ничего не помню. Ни как я здесь оказалась... – Истинная правда, между прочим. – Ни кто я, ни кто вы... – Почти правда, но об этом «почти» никому не следует знать.

Женщина ошалело уставилась на меня. Я ответила ей прямым взглядом, сделав самое наивное лицо, на какое только была способна.

– Я – Люция Сапфира, твоя соседка, – медленно произнесла она после паузы. – А ты Алисия Монро. То есть теперь Гилбrait. Графиня Гилбrait.

Графиня. Да уж, в самом деле лучше, чем скотница. Только радоваться не получалось.

– Ты в самом деле этого не помнишь? Если это шутка – то очень глупая.

Я помотала головой. Люция снова оглядела меня с ног до головы и, видимо, решила, что потерявшая память новобрачная – это приличней, чем новобрачная, сбежавшая из супружеской спальни.

– Вчера состоялась твоя свадьба с Ксандером Гилбрайтом, после обряда вы с женихом и ваши близкие друзья уехали в его загородное имение, чтобы продолжить празднование. Сегодня утром твой муж извинился перед гостями, сославшись на твое нездоровье, и предложил разъезжаться по домам. Мы с Айгором уехали одними из первых – находиться в доме этого человека было для нас слишком тяжело. Я согласилась приехать только потому, что у тебя нет больше близких...

Вот как...

– Спасибо. – Что тут еще скажешь?

– Сразу оставлять тебя среди чужих было бы слишком жестоко.

– Вы сказали, у меня нет больше близких? Родственников?

– У тебя никого нет. – Люция вздохнула. – Что же с тобой случилось, девочка? Надо вернуть тебя мужу. Как ни крути, но лучше него целителя в стране не найдется, нельзя же оставаться беспамятной.

– Нет! – испугалась я. – Только не к нему!

Этот незнакомый, с жесткой усмешкой Александр... Ксандер пугал меня до полусмерти. Даже странно, ведь он ничего не сделал...

Ну да, ничего, просто так «повоспитывал» молодую жену, что она умерла.

Но лучший целитель в стране? В двадцать восемь лет?! Или здесь ему больше?

И сколько лет мне, если меня называют «девочкой»?

– Я хочу домой, – выдохнула я. – Ведь есть же у меня дом? Может быть, там я смогу вспомнить?

Глава 4

Вспомнить – едва ли смогу, но, может, получится понять и как-то приспособиться.

Люция снова помедлила, внимательно на меня глядя.

– Хорошо, – сказала она.

Она махнула рукой Айгору, тот вскочил в повозку, устроившись напротив нас, коротко скомандовал кучеру, и мы поехали.

Наверное, оказавшись в другом мире, следует разглядывать окрестности, умирая от любопытства, но я умирала от усталости – короткий сон в стогу вовсе не восстановил моих сил, – голода и жажды. И одновременно меня мутило от тряской езды. Так что дорогу я ни разглядеть толком, ни запомнить не смогла. Я бы и не заметила, что мы въезжаем в город, если бы Люция не завозилась на сиденье.

– Надень мой пыльник, – сказала она, снимая льняную накидку, – и укройся капюшоном. Не хочу, чтобы соседи разглядели, в каком ты виде, и начали сплетничать.

Я молча подчинилась. Мне и самой сплетни ни к чему. Укуталась в полотно, опустила капюшон и закрыла глаза, ожидая лишь, когда дорога закончится и можно будет спрятаться от неотрывного взгляда Айгора за стенами пусть не совсем моего, но все же дома. Неужели и тут мальчик, с ко-

торым я росла и дружила, повзрослев, захотел стать больше чем другом?

Наконец коляска остановилась.

– Вот мы и дома, – сказала Люция. – Я пришла с кухаркой немного еды.

– Спасибо. – Голос прозвучал хрипло, пришлось прокашляться.

Еда... Полцарства за глоток чистой холодной воды! Или мутной теплой... словом, любой воды!

– Надеюсь, в доме осталось где переночевать, и у тебя будет время хорошенько подумать.

Да, хорошенько подумать – это ровно то, что мне сейчас необходимо. После того как поем, вымоюсь и переоденусь.

Стоп...

– Надеетесь, что в доме осталось?... Что с ним?

– Когда бедную Надин понесли на кладбище, в доме сработали охранные артефакты. Слуги едва успели выбежать из дома, как его укрыла защита, и больше никто в него не входил. Все-таки Питер был очень сильным магом и умел не только зелья варить.

– Но... как я попаду в дом?

– По праву крови, – удивленно ответила Люция. Покачала головой. – Ах, да... Охранные заклинания обычно зачаровываются на кровь хозяев дома и потому беспрепятственно пропускают их родственников.

– А остальных?

– Зависит от того, как зачарованы артефакты или какие приказы им отдают. Неужели ты не помнишь даже таких простейших вещей?

Да я себя-то не помню! Но об этом, пожалуй, лучше промолчать. А то в самом деле потащат к целителям, а те, чего доброго, объявят меня недееспособной и запрут в лечебницу или отдадут под опеку мужа, и жить мне дальше на правах домашней кошки: захотят – погладят, а захотят – и пнут. Какие там вопросы обычно задают, определяя вменяемость? Число, день недели, имя и возраст? Да я же ни на один не отвечу!

– Мама, может, пригласим Алисию пожить у нас, пока к ней не вернется память? – как-то заискивающе спросил Айгор.

– Исключено, – отрезала Люция. – Поди предупреди кухарку, что мы вернулись раньше времени, пусть соберет постель для Алисии и начинает готовить обед.

Он молча выбрался из коляски и двинулся в ворота дома. Значит, это не мой. Мой – тот дальше.

И, похоже, можно не спрашивать, кто хозяин дома, у которого мы остановились. Равно как и женат ли сам Айгор.

– Прости, дорогая. – Голос Люции наполнился патокой. – Я с радостью приютила бы тебя. Но молодая женщина, без мужа, в доме неженатого мужчины... твоей репутации конец.

А еще, похоже, ты обратила внимание, как он на меня

смотрел, и не хочешь лишних проблем. В невестки я по какой-то причине не сгодилась, и сейчас тебе не надо, чтобы твой сын вокруг меня увивался. Но не спрашивать же прямо почему? Может, когда-то и узнаю. Надеюсь, Айгор не станет «открывать мне глаза» на мужа, как это сделал Игорь.

К слову, а разводы тут есть?

– И я от души советую тебе как следует подумать, – продолжала ворковать Люция. – Твой муж, конечно, очень... сложный человек. Но что поделаться, такова наша женская доля. Не всем так везет, как мне с покойным Иваром. Жертвенность украшает женщину, и рано или поздно Ксандер оценит, какое сокровище ему досталось, несмотря на все, что стоит между вами.

Все интереснее и интереснее. Что же такое между нами стоит?

– Спасибо, я подумаю, – кивнула я, соскальзывая с коляски.

Не время сейчас для расспросов. Как и для дискуссий о месте женщины в обществе, да и нет у меня сил на бессмысленные споры. Тетя Люда тоже всю жизнь твердила, что женское предназначение – заботиться о детях и муже. А муж в один прекрасный момент решил сменить старую модель жены на новую и посчитал, что поступил благородно, оставив бывшей жене и сыну квартиру. Всю жизнь на шее просидела, пусть поработает.

Именно тогда я и поняла, что не стоит верить всему, что

преподносится как женская мудрость.

– И спасибо, что подвезли, – добавила я.

– Я пришлю кухарку, – донеслось мне в спину.

– Спасибо, – повторила я в который раз. Сделала шаг от коляски, и она тут же двинулась в раскрытые ворота в глухом заборе.

Я миновала проулок, такой же глухой забор и ворота, видимо, для экипажа. Остановилась перед огромной, тяжелой на вид дверью. Дом выглядел крепостью, закрытой от посторонних, окна казались покрытыми пылью зеркалами, сквозь которые невозможно разглядеть ничего внутри. И как, спрашивается, попасть туда? Я же ничего не смыслю в магии?

На миг мне померещилось, будто дом окутывает радужная сеть. Я моргнула, снова уставившись на темное дерево двери, а потом, волнуясь непонятно отчего, потянулась к нему рукой.

Снова мелькнула разноцветная пелена, и дверь беззвучно приоткрылась. Осмелев, я потянула на себя ручку и шагнула в проем.

Дом обрадовался мне. Когда я перешагнула порог, словно теплая невесомая шаль легла мне на плечи, и разом стало тепло и спокойно. Даже странно – внутри было пыльно, сумрачно и пахло той мертвой затхлостью, что неминуемо появляется в запертом надолго помещении, а я почувствовала себя дома. Наверное, просто слишком устала от приключений и хотела оказаться в теплой гавани.

Я оглядела небольшую прихожую: по центру, прямо напротив меня, – лестница на второй этаж, по обе руки – двери. Не видно ни вешалок, ни подставок для обуви... Ну да, зачем бы им тут быть: слуги заберут верхнюю одежду гостей и унесут. Вон та неприметная дверка под лестницей —наверняка гардеробная для гостей. И в самом деле внутри оказались вешалки.

Ладно, гардеробная подождет, мне бы найти кухню или ванную, или где тут можно разжиться водой. Или придется искать колодец?

Я открыла дверь по правую руку от входа. Коридор, одна стена с окнами, выходящими на улицу. Во второй – двери. Я отворила ближайшую, за ней оказалась комната с роялем, диванчиком и разнообразными банкетками. Гостиная? Следующая дверь, еще одна комната, центральное место в которой занимал массивный стол темного дерева и такие же стулья. А вот и кухня. Огромная плита, шкафы, раковина и из стены торчит кран с двумя вентилями!

Я обрадовалась ему как родному. Мыться из тазика – полбеды, куда больше меня пугала перспектива возиться с ночным горшком. Но раз есть водопровод, значит, есть и канализация.

Я осторожно повернула вентиль, ожидая, что кран начнет шипеть и плеваться ржавчиной, но вода потекла неожиданно ровной и чистой струей, словно и не стояли трубы пустыми много – а, к слову, сколько? – лет.

От вида воды жажда стала и вовсе невыносимой, и я не удержалась – склонилась к крану, как в детстве, жадно глотая. Только когда забулькало в животе, я вспомнила, что едва ли водопровод дезинфицируют, как в наших городах. Но даже вспомнив, не сразу смогла оторваться от холодной, вкусной и восхитительно мокрой воды. Может, и пронесет.

Рядом с раковиной нашлось мыло. Растрескавшееся, твердое как камень и понадкусанное не то мышами, не то крысами – но все же это было мыло, и я наконец-то вымыла руки и шею, едва удержавшись, чтобы, как в детстве, не задрать ноги прямо в раковину. Раз нашлась кухня – найдется и ванная. Еще бы поесть...

Я сунулась в ящики, но не обнаружила там ничего, кроме трухи и мумифицированного мышинного трупика. За годы, что дом простоял пустым, даже плесень повывелась. Ничего, если дом закрылся, как только его покинуло тело хозяйки, значит, внутри найдется хоть что-то, что можно будет продать и купить еду.

А жизнь-то налаживается!

Эту мысль прервал мелодичный сигнал, как от дверного звонка. Неужели здесь есть электричество? Звук повторился, а потом до меня донесся настойчивый стук.

– Сейчас! – крикнула я, торопясь к двери. Люция же обещала прислать кухарку. – Открываю!

Но вместо кухарки за дверью обнаружился Айгор с корзинкой в руках, и судя по тому, как он ее держал, – увеси-

стой.

– Мэри занята, так что я пришел сам. Вот. – Он неловко переступил с ноги на ногу.

– Да, конечно, – невпопад ответила я. Из корзинки пахло так, что я на миг ощутила себя собакой Павлова. Спихватилась: – Заходи... те.

Айгор, опасливо оглядевшись, переступил порог.

– Чего вы боитесь? – спросила я прежде, чем сообразила, что не стоит вслух предполагать, будто мужчина может чего-то бояться.

– Я не боюсь, – ожидаемо вскинулся он. – Я беспокоюсь о твоей репутации.

Ну-ну. Беспокоился бы ты о моей репутации, отправил бы кухарку. И, к слову, где я – пусть будет уже «я», с этими переселениями рехнуться можно – жила все эти годы?

– Давай помогу отнести это в столовую, – совершенно непоследовательно добавил он и двинулся в дом, не дожидаясь приглашения пройти в комнаты.

– А как же моя репутация? – поинтересовалась я, не торопясь сходить с места.

Не то чтобы я опасалась каких-то поползновений с его стороны, но в чем-то Люция была права. Это в наше время репутация умерла, а всего лишь пару веков назад, став изгоем, человек – а тем более молодая женщина вроде меня – был обречен. Пока я не знаю нравов этого мира, лучше не нарываться.

– Ты мне не доверяешь? Мне?

С чего бы мне доверять человеку, которого я впервые вижу? Я вежливо улыбнулась и сказала как можно мягче:

– Спасибо, что хотите мне помочь, но я справлюсь. Поставьте, пожалуйста, корзину и не утруждайтесь.

Лицо Айгора вытянулось, как у обиженного ребенка.

– А ты изменилась, Лиса.

Значит, я и тут Лиса. Ну что ж, хоть что-то осталось у меня от прежней жизни.

– Может быть, – все так же мягко сказала я. – Время меняет людей.

– А приют не идет на пользу характеру, – горько заметил он, ставя на пол корзинку. – И все же вчера ты была рада меня видеть, а сегодня...

А сегодня на месте той девушки, что была рада тебя видеть, оказалась я. И я не стану оправдываться – тем более что и оправдываться мне не в чем.

Он обвел взглядом прихожую.

– Дом тоже изменился. Я помню его светлым и гостеприимным. Не то что сейчас.

Это камешек в мой огород или у меня паранойя?

– Значит, хорошо, что я этого не помню, – ровным голосом произнесла я.

– В самом деле? – Он шагнул ближе, и я едва удержалась, чтобы не попятиться. – И... нас тоже не помнишь?

Час от часу не легче!

Он потянулся, словно желая обнять меня, и я едва увернулась.

– Ваша мама, наверное, уже волнуется, что вы задерживаетесь, – холодно улыбнулась я. – Всего доброго и спасибо за помощь.

Он дернулся, но взял себя в руки.

– Тогда мне остается только согласиться с матерью – вам лучше вернуться к мужу, Алисия. Рад был помочь.

Дверь шарахнула так, что я подпрыгнула.

Глава 5

Интересно, можно ли перенастроить защитные заклина-ния, чтобы они этого типа больше на порог не пускали? Да даже если в самом деле были какие-то «мы», Айгор потерял право на что-то претендовать после того, как я – ну, то есть не я, но пусть будет «я» – вышла замуж! Да, я знаю про до-говорные браки, приданое и подобные вещи. Но все равно: допустил, чтобы любимая девушка стала чужой женой, – вот и забудь о ней.

Или девушку он тронуть не осмелился, а с замужней жен-щиной можно не только за ручки держаться?

– Да шиш тебе! – не удержавшись, сказала я вслух и вздрогнула от того, как гулко прозвучал мой голос в пустой прихожей.

Этак недолго и в привидения поверить. Нужно осмотреть дом, навести порядок, а там по ситуации. Может, я смогу сдавать комнаты – и дом перестанет быть пустым, и мне хоть какой-то заработок. Но сперва надо поесть, а то уже трясет от голода.

В корзинке, в самом деле тяжелой, были сыр, хлеб, холод-ное запеченное мясо и пироги. Я откусила кусок пирога – начинка оказалась с капустой – и невесело усмехнулась.

Даже обидно: два высших образования, а я думаю, попро-бовать ли устроиться посудомойкой, или получится сдавать

комнаты. Вот только много ли может врач, лишившись привычных методов диагностики и современных лекарств? Прислушать легкие через свернутую трубкой бумагу, прощупать живот да назначить касторку от запора? И много ли толка от фармацевта, если неоткуда взять синтетические субстанции для лекарств? Травы разве что заготовить, если получится вспомнить, что да как.

И насколько полезны травы в магическом мире? Конечно, я пока не видела здесь магии, кроме той разноцветной сети вокруг дома, которая могла мне и померещиться. Но Люция слишком уж уверенно говорила об охранных заклинаниях. Если есть охранные заклинания, должны быть и исцеляющие. Поводил руками, сказал «абракадабра» – и вот уже больной сразу выздоровел. При таком раскладе мои два диплома даже на туалетную бумагу не годятся, жесткие.

«Так, хватит ныть», – оборвала я себя. У меня есть крыша над головой, мозги и руки, растущие из нужного места. Осмотрюсь, разберусь и придумаю, как устроиться. К тому же от мытья полов никто не умирал.

И, к слову, Люция говорила, что «мой» отец был сильным магом. Может, и мне частичка магии перепала от родителей?..

Зря я подумала о родителях. Мои там, наверное, с ума сходят от горя. И ни позвонить, ни весточку передать. А я... я никогда их не увижу! Я сглотнула ком в горле. Нет, нельзя расклеиваться. Мне повезло больше, чем моему двойнику

в этом мире, – мама с папой живы, пусть даже нам больше никогда не встретиться, но я знаю, что они живы. А горе... проходит.

Я вытерла слезы – как ни уговаривала себя, что не время расклеиваться, они все же прорвались. Накрыла полотенцем корзинку с едой. Белоснежное полотно казалось ослепительным на фоне пыльного стола. Кошмар, ну и свинарник, а я еще в нем ела?

Что ж, говорят, уборка успокаивает. Вот и... успокоюсь. Только осмотрю дом, чтобы определиться, с чего начинать.

Я толкнулась в дверь по правую руку от входа, та не поддалась. Я внимательно оглядела ее, вопреки всякой логике выискивая радужные переливы. Нет, просто тяжелая прочная дверь, закрытая на замок.

Что ж, нет так нет. Может быть, где-нибудь в доме я обнаружу ключи. Я же почти еще ничего не видела. С этой мыслью я поднялась по лестнице.

На втором этаже обнаружилась бальная зала, две комнаты, заставленные разнообразными креслами, пуфиками и козетками; кабинет, в котором не оказалось ни бумаг, ни книг, лишь пустые полки. Несколько спален.

В комнате, похожей на гардеробную, нашлось зеркало в полный рост. Я сняла ткань, что занавешивала его, осторожно – так осторожно, словно девушка из зазеркалья могла утащить меня за собой, – заглянула в него.

Это была я – и не я. Наше отражение меняется каждый

день по чуть-чуть, незаметно. Вот внезапно обнаруживается морщинка в уголке глаза, вот вдруг оказывается, что цвет лица стал не таким свежим. И лишь разглядывая старые фотографии, мы начинаем понимать, как бежит время.

Очерченная резной рамой, словно рамкой старой фотографии, на меня смотрела девочка, какой я, наверное, была лет десять назад. Эта я смотрелась от силы на восемнадцать. Рыжие волосы, белая кожа. Гораздо бледнее моей – ко мне загар не лип, но эта девочка выглядела так, словно никогда не видела солнца, и лишь усыпавшие нос и скулы веснушки говорили, что это не так.

Стройная... Пожалуй, даже по нашим меркам скорее худая, чем стройная, а по здешним, насколько я успела заметить, как сложены люди на улице, и вовсе тощая. «Приют», – сказал Айгор. Не кормили ее там совсем, что ли? Царапина на скуле, встрепанные волосы, в которых кое-где до сих пор торчат соломинки. Под глазами легкие синие тени – впрочем, после такой ночи, как сегодня, я-настоящая выглядела бы куда более помятой.

Я вытряхнула из волос чудом сохранившиеся шпильки, скрутила гульку на затылке. Пощупала царапину: до свадьбы заживет. Эта мысль заставила меня нервно хихикнуть. Одна свадьба не состоялась, второй я не помню. Может, оно и к лучшему: интуиция подсказывала, что девочка с наивным лицом, отражавшаяся в зеркале, не слишком рвалась замуж. Каким бы пуританским ни было воспитание, вряд ли кто-то

упадет в обморок в предвкушении первой ночи с любимым человеком.

— Ну их в лес, всех этих козлов, — улыбнулась я этой девочке. — Без них справимся.

Она улыбнулась мне в ответ, робко и неуверенно. Да уж, приют в самом деле не улучшает характер. Ничего, я-то не бедный забитый ребенок. Прорвусь.

— Теперь у тебя есть я, — сказала я своему отражению.

Отвернулась от зеркала к стойке, на которой висело с десятков платьев, точнее, корсажей и юбок — к моему удивлению, они не были сшиты вместе, а надевались раздельно. Воплощение мечты, наверное, любой маленькой девочки — пышные юбки, узкие корсажи, ленты и кружева, разноцветные ткани: от тонкой, хорошо выделанной шерсти до переливчатого муарового шелка. Наряды для настоящей принцессы. Моль и время не тронули их, ткани оставались яркими, выбей их как следует от пыли, и можно надевать, тем более что размер вроде мой. Я погладила плотный шелк. Какой была та женщина, что носила их? Почему умерла и что случилось с ее мужем? Болезнь, которая унесла родителей, но пощадила ребенка? Вполне возможно, хотя обычно бывало наоборот.

Я приложила к груди корсаж, снова обернулась к зеркалу. Нет, все же придется перешивать. Платья были бы впору мне-прежней, но той девочке, что смотрела на меня из зеркала, явно велики. И у всех застежка на спине: где шнуровка,

где крючки, а где – длинный ряд мелких перламутровых или обтянутых тканью пуговиц. Эти наряды были рассчитаны на женщину, которой помогает одеваться прислуга. Одеваться, следить за этим огромным домом и садом на заднем дворе, что был виден в окна жилых комнат.

Я вернула на вешалку воздушное платье. Если рассуждать разумно, мне стоит продать этот огромный особняк и купить себе скромную квартирку на окраине города. Почему-то при мысли об этом все внутри перевернулось. Нет уж, справлюсь и без прислуги. Один раз наведу порядок, потом запру лишние комнаты до лучших времен, а там видно будет.

Пока что все мои планы заканчивались этим «там видно будет». С другой стороны, как, скажите на милость, строить планы, не зная ничего ни о себе, ни об окружающем мире?

Я снова подвязала к поясу юбки, чтобы не мешались, скомкала в руках тряпку, что укрывала зеркало, – как раз сгодится полы мыть – и отправилась искать ведро.

Следующие несколько часов я мела, скребла, терла, мыла, выливала воду и снова мыла. Все-таки есть доля правды в том, будто труд создал из обезьяны человека. По мере того как преображался дом, меня самую все сильнее наполняла уверенность.

Не буду я его продавать. И пускать постояльцев не стану. Попробую для начала продать браслет, потом, может быть, – заложить кое-что из украшений, что я нашла во вделанном в стену шкафчике в гардеробной. Вырученного должно хва-

тить на первое время, пока я освоюсь, разберусь, что да как в этом мире. Даже если и окажется, что все вокруг лечатся магией и волшебными зельями... Наверняка найдутся люди, которым магия не по карману, а простые сборы будут в самый раз: успокоительные, противовоспалительные, отхаркивающие... Надо лишь понять, кому они могут пригодиться, и найти покупателей – в конце концов, чем-то подобным я и занималась последние несколько лет, работая на фармкомпанию.

Насколько я успела заметить, природа здесь не отличалась от нашей, значит, и травы будут привычными. А учитывая водопровод и канализацию, цивилизация зашла достаточно далеко, чтобы появились места, где можно разжиться уже готовыми ингредиентами. Но, конечно, нужно будет считать – возможно, немагические лекарства будут стоить в этом мире так мало, что придется и сырье заготавливать самой. Еще ведь понадобится хотя бы базовый набор оборудования...

Занятая размышлениями, я не заметила, как отдраила весь дом, кроме тех запертых помещений, которые я не смогла открыть сразу. Насобирав целую коробку ключей, спустилась в прихожую. Принесла ведро и тряпку, чтобы потом не бегать туда-сюда, и начала проверять один ключ за другим.

Третий подошел. Я потянула на себя дверь.

Магазин. Или что-то очень на него похожее.

Дверь на улицу, когда я попыталась открыть ее, едва поддалась, похоже, заржавели петли. В самом помещении обна-

ружились напольные шкафчики, полки и навесные шкафы. Или это не магазин? На дверцах шкафчиков были нарисованы травы. Я узнала подорожник, мяту, ландыш. Неужели аптека?

Нет, рано радоваться. В царящем беспорядке трудно было что-либо разобрать. Самый настоящий погром: распахнутые и кое-где вырванные с мясом из петель дверцы шкафов, битое стекло на полу, непонятные порошки, за давностью времени потерявшие вид. Но не было в этом беспорядке системы: какие-то шкафы и полки стояли вовсе нетронутыми. Как будто кто-то просто решил сорвать зло на безответных предметах, но быстро устал, а потом вездесущая пыль накрыла все вокруг.

Я подобрала с пола чашечку и коромысло весов, положила на стол. Второй чашечки видно не было. Может, и найдется, когда я наведу здесь порядок. «Умел не только зелья варить», – вспомнилось мне. Отец Алисии был зельеваром? Фармацевтом? Может, я, хоть и не настоящая Алисия, смогу подхватить семейное дело? Может, мои дипломы все же на что-то сгодятся? Нет, это было бы слишком хорошо. Не стоит раньше времени надеяться – не придется потом разочаровываться.

В углу замерцало переплетение магии, и я шагнула туда. Дотронулась до шкафа, переливавшегося перламутровым светом, и ойкнула, когда он провалился в стену, открывая вход в еще одну комнатку.

Здесь, в отличие от первого помещения, царил образцовый порядок. Может, снаружи и был такой разгром, потому что некто, не сумев справиться с защитой, сорвал зло там, куда дотянулся? Кто сейчас скажет?

Конечно, это второе помещение мало походило на современную лабораторию, но было вполне узнаваемым. Ступки, весы, мензурки и колбы, сита и фильтровальные колонки. Подставка вроде бы для спиртовки, но вместо спиртовки под ней лежало что-то похожее на сплав разноцветных стекляшек.

И книги. Целая стена книг.

Глава 6

Я шагнула к полкам, обмирая от внезапного страха. До сих пор я не задумывалась, каким образом понимаю здешний язык. Чудо – оно и есть чудо. Но что если это чудо ограниченного действия и я могу лишь говорить, но не читать? Я даже зажмурилась, пытаясь отдалить момент, когда пойму, что неграмотна, – и тогда в самом деле останется только в посудомойки. Заставила себя открыть глаза.

Незнакомые закорючки послушно сложились в слова. «Анальгетики в гериатрии», – прочитала я. Моргнула. Забыв, как дышать, попятилась и пятилась так, пока не миновала дверной проем, а за ним еще один. Осторожно закрыла дверь и долго стояла, тупо глядя в нее.

Этого не могло быть, потому что не могло быть никогда. Я все-таки сошла с ума окончательно и бесповоротно. Иначе никак не объяснить, откуда взялись слова с древнегреческими корнями в мире, где не было древних греков.

Спокойствие, только спокойствие. Я уже размышляла, не сошла ли с ума, не далее как полдня назад, обнаружив, что я не в своем мире. С тех пор ничего не изменилось: не можешь обуздать – возглавь. Пока не появился добрый доктор, мне надо как-то устроиваться в этом мире, даже если он – всего лишь плод моих фантазий. И то, что я нашла, нельзя назвать иначе, чем чудом.

Лаборатория, пусть, по моим меркам, довольно древняя, но все же – лаборатория! С оборудованием! И прорва книг, причем понятных книг! Учиться я всегда умела и любила, и перспектива снова грызть гранит науки меня вовсе не пугала. Если подумать, «анальгетики в гериатрии» – повод не для страха, а для оптимизма. Не нужно разбираться в незнакомых терминах.

Сейчас наведу порядок и просмотрю библиотеку. Хорошо бы нашелся каталог, а не найдется – сама сделаю. Пока при-смотрю что-нибудь пролистать перед сном, а завтра отнесу в ломбард... ну вот хоть браслет для начала и куплю еды, бумаги и чернил, чтобы записывать.

А вдруг мне повезет и в недрах запертой магией лаборатории, которую не смогли вскрыть те, кто разнес аптеку, найдется сейф с деньгами? Или – что еще ценнее – ингредиентами?

И обязательно надо обследовать садик на заднем дворе. В огороде зельевара может обнаружиться что-нибудь интересное, глядишь, и первые ингредиенты покупать не придется.

Если же мне очень-очень повезет, я все-таки пойму, как справляться с магией. Ведь не может же дочь очень сильного мага, человека, зачаровавшего дом так, что его никто не смог вскрыть за десять лет, оказаться вовсе бездарной. Но на это я тоже пока не буду надеяться. Не стоит загадывать слишком далеко. С первыми шагами я определилась, там видно будет. Пока надо просто навести порядок.

Сейчас, когда прошел первый шок и я снова стала способна думать, можно найти минимум два объяснения несурразице, поначалу напугавшей меня. Первое и самое простое – мой мозг просто подгоняет местные термины под привычное восприятие. Наверняка я здесь и говорю не по-русски, буквы-то на корешках – точно не кириллица. Я от души, хоть и не слишком связно, поблагодарила неведомых богов этого мира за чудо— страшно подумать, что стало бы со мной, если бы я не понимала язык. Да и неграмотной быть не слишком приятно – кто бы меня учил читать и писать?

Второе объяснение посложнее. Параллельные вселенные. Это могло бы объяснить и Игоря-Айгора, и Александра-Ксандера, и меня саму, Алису-Алисию. Как-то мне попало описание теории, будто любая вселенная – лишь математическая структура, состоящая из набора физических постоянных и уравнений, и таких математических структур бесконечное множество. В чем-то уравнения, описывающие каждый из бесконечного множества вариантов, одинаковые, в чем-то разнятся. И если так, почему бы какому-то набору уравнений не описать законы магии? И почему бы в этом наборе не оказаться древнегреческому и латыни, как и знакомым-незнакомым мне людям?

Перед внутренним взором промелькнули кадры из «Матрицы» с бегущими символами, и я затрясла головой. Все эти абстракции никак не хотели в ней укладываться. Всегда недолюбливала математику, а современная теоретиче-

ская физика и вовсе не для средних умов вроде моего. Поэтому незачем лезть в подобные дебри и лучше для себя принять первое, самое простое объяснение.

Я наклонилась над ведром, чтобы выполоскать и выжать тряпку и протереть дверь прежде, чем приступать к уборке внутри аптеки.

– Не следует множить сущности сверх необходимого, – наставительно сказала я себе, чтобы окончательно отвлечься от мыслей об устройстве мироздания.

В следующий миг на мою ягодицу легла мужская рука, и знакомый голос произнес:

– В приюте изучают философию? Как интересно!

Я ругнулась, разворачиваясь, и от всей души засветила нахалу тряпкой. Мужчина отступил на шаг, даже вроде бы не торопясь, а мокрая ткань вспыхнула в моих руках. Взвизгнув, я отшвырнула ее, отскакивая назад.

Алек... Ксандер ухмыльнулся, рассматривая меня. Взгляд его остановился на моих ногах, открытых выше колена, потемнел, приобретя такое знакомое выражение, и мое сердце привычно заколотилось в предвкушении.

Я отступила еще на шаг. Нет. Это просто воспоминания о другом человеке, которого я любила. Просто привычка. Просто...

– И никаких обмороков, – с ленивой ехидцей протянул он. – Все интереснее и интереснее. И силы для тяжелой работы откуда-то нашлись. Или вы ждали не меня, а это, – он

указал взглядом на ведро, – такая прелюдия? Ракурс был аппетитным, ничего не скажешь.

– Еще одно слово в том же духе, и я надену это ведро вам на голову, – процедила я, отчаянно борясь с желанием немедленно осуществить угрозу.

– Что ж, попытайтесь. Это будет даже забавно.

Он вдруг притянул меня к себе, я пошатнулась, уперлась в его грудь, чтобы не упасть. Ксандер приподнял мой подбородок, лицо его оказалось так близко, что дыхание коснулось теплом кожи. Я вдохнула аромат сандала с терпкими нотками мускуса и кожи. Именно этот запах наконец заставил меня поверить, не умом – понять-то я давно все поняла, – а поверить, почувствовать, что передо мной совсем незнакомый человек. Сашка не пользовался парфюмом.

Я замерла, растерянно глядя ему в глаза. Он провел подушечкой большого пальца по моей скуле, по коже пробежали мурашки. Я неровно вздохнула.

– Кто оставил вам это? – В его голосе промелькнули хриплые нотки. В следующий миг глаза сузились от злости, лицо стало жестким. – Чью постель вы предпочли честному супружескому ложу?

Этот вопрос привел меня в чувство.

– Да пошел ты! – Я изо всех сил толкнула его. Кажется, слишком сильно, потому что Ксандер пошатнулся.

Я отскочила, подхватила ведро – злость придавала столько сил, что я даже не заметила его тяжести, – и выплеснула му-

жу в лицо.

Его словно бы окутала мутная сфера, а потом вода стекла на пол, забрызгав мои ноги. Ругнувшись, я снова отпрыгнула. Ксандер издевательски расхохотался.

– А я-то надеялся, что вы томно лишитесь чувств в моих объятьях! Решили сменить тактику, поняв, что предыдущая провалилась?

– Дались вам эти обмороки!

Я вздохнула. Медленно выдохнула. Надо успокоиться. Я же всегда умела держать себя в руках, а тут сорвалась, будто базарная баба, стыд-то какой!

– Мне? Это же вы свалились якобы без сознания пять раз за неполные сутки!

Интересно... Неужели у моей предшественницы вегетика¹ никуда не годилась? Я-то никогда в обморок не падала, максимум голова закружилась, когда в первый раз оказалась в операционной. Вышла, продышалась у стеночки и обратно. И это новое тело я ощущала вполне здоровым, ничуть не слабее моего собственного. Даже, может, и сильнее – дома бы, переделав такую прорву работы, я давно свалилась бы без задних ног, а тут ощущала себя вполне бодрой. Или это злость придала сил?

– Причем из этих пяти только в храме обморок был на-

¹ Вегетативная нервная система – отдел нервной системы, отвечающий за жизненно важные функции организма, в том числе артериальное давление и тонус сосудов.

стоящим!

Или Ксандер прав и Алисия в самом деле симулировала обмороки? Могло ли это быть чем-то вроде выученной реакции – прикинуться бесчувственной, чтобы отстали? Так некоторые животные, почуяв хищника, падают замертво. А то, может, кто и похлопочет над бедняжкой? Хотя вряд ли особо хлопотали в приюте-то...

И каково было девочке, привыкшей к достатку, если не к роскоши, оказаться в сиротском приюте? Из которого ее забрали не домой, а снова к чужим людям?

Нет, даже если она и была симулянткой, не могу я ее осуждать. А уж Ксандеру и вовсе стоит придержать язык. Целитель, тоже мне. Последний-то обморок точно был настоящим, не появись я, овдовел бы, как и хотел. Зачем только женился?

Впрочем, этот вопрос подождет. Сейчас меня куда сильнее волновал другой – кстати, и будет повод перевести разговор с моих – не моих обмороков – не обмороков.

– Как вы сюда попали?!

– Я спросил первым. С кем вы провели эту ночь?

Вот же придурок ревнивый!

– А вам не все равно?! Вам же на меня наплевать!

Лицо его стало каменно-спокойным. Лужа воды между нами вдруг вскипела, зашипев, пошла паром. Я вскрикнула от неожиданности.

– Я. Задал. Вопрос.

Контраст между ледяным лицом и паром, все еще поднимавшимся от воды, напугал меня. Но следом за страхом пришла злость – Ксандер и без магии на голову выше и раза в полтора тяжелее меня, захочет – костей не оставит, так к чему эта демонстрация превосходства?

– С мышами в стогу сена! Довольны?!

– Нет.

– Другого ответа у меня нет. Как вы сюда попали?

Он усмехнулся той пренебрежительной усмешкой, к которой я уже успела привыкнуть. То ли в самом деле успокоился, поверив, что жена не успела наставить ему рога, то ли взял себя в руки.

– Даже не знаю, чего в вашем вопросе больше – глупости или наглости. Естественно, семейный особняк Монро – первое место, где я стал вас искать. Не в приют же вам было возвращаться.

– Что-то вы не торопились с поисками, – в тон ему ответила я.

– Ваша правда. Надеялся, что у вас все-таки есть хоть капля ума и вернетесь сами. Зря надеялся.

– Есть, да не про вашу честь, – буркнула я и вспомнила еще кое-что. – Охранные заклинания зачарованы на кровь. Как вы прошли сквозь них?

Глава 7

– Я – ваш муж, – сказал Ксандер так, словно это все объясняло.

– Но не кровный родственник.

Айгор топтался на пороге и в дом шагнул с опаской даже после того, как я его пригласила. Причем перед тем пикировал «дверной звонок». А этот ввалился... как к себе домой!

Ксандер покачал головой.

– Не портите впечатление о вашем уме окончательно. Брак заключен, все нужные обеты произнесены в храме, и господь принял их.

Где бы мне разузнать, что здесь за господь, до того, как ляпну богохульство?

– Так что теперь охранные заклинания пропускают меня как члена семьи и после консумации брака примут меня как кровного родственника.

Нет, ну кровного – он загнул, все-таки речь идет о другой биологической жидкости. Или дело в, гм, кровопролитии?

Ох, да какая мне разница! Если ритуал в храме меняет заклинания, созданные много лет назад, так, что они начинают считать совершенно чужого человека своим, о разводе можно и не мечтать. И значит... Значит, шиш тебе, муженек, а не первая брачная ночь! Еще не хватало отдать тебе мой дом.

Странно, но при этой мысли я ощутила нечто вроде сожа-

ления. Интересно, каков он...

О чем я думаю вообще?! Лучше бы задумалась, можно ли как-то перенастроить охранные заклинания, чтобы этого конкретного типа магия не пропускала? Хотя что думать, сама я едва ли это сумею, а помочь некому. Айгора я больше в дом не пушу, разве что в сопровождении маменьки.

Что-то слишком много вокруг мужчин, которых стоило бы гнать с порога грязными тряпками. Не к добру это.

Кстати о тряпках... Хорошо, что завешенное тканью зеркало не одно, не придется долго искать замену той, что сжег Ксандер.

– Что ж, спасибо за объяснения. – Я подхватила с пола пустое ведро. – А теперь, когда мы обменялись заверениями в дружбе и сотрудничестве, позвольте мне вернуться к работе. Уборки непочатый край.

– Перестаньте душить, Алисия. Поехали домой.

– Я дома.

– Ко мне, то есть теперь – к нам домой.

– Я дома, – повторила я. – И не вижу причины куда-то ехать. Меня все устраивает здесь.

– Прекратите испытывать мое терпение! – Он шагнул ближе, навис, и мне пришлось сделать усилие, чтобы не попятиться. – Вы – замужняя женщина и должны жить в доме мужа.

Да что я потеряла в том доме, в самом деле? Этого типа, который обзывает меня душой и притворщицей? Здесь мне

рады – пусть даже это лишь мои фантазии, но дом в самом деле словно ожил с моим появлением. А там? В лучшем случае будут терпеть. Я же вижу, что в жены Алисию взяли вовсе не от большой любви.

– Обоснуйте, – сказала я.

– Прошу прощения?

– Вы говорите, что я должна жить в вашем доме. Почему?

Ксандер глубоко вздохнул, медленно – очень медленно – выдохнул. Размеренно произнес тоном, каким объясняют урок непроходимому двоечнику, когда терпение уже на исходе:

– Потому что вы – моя жена, пусть даже я уже успел сто раз об этом пожалеть.

– Ну так разведитесь, в чем проблема, – фыркнула я, на миг забыв про обеты, которые «принял господь».

– Это исключено.

– Почему? – Я изобразила самое наивное лицо, на какое только была способна. В конце концов, я ничего не знаю наверняка, все мои предположения – лишь предположения. Вдруг да выгорит? – Вы терпеть меня не можете, это очевидно, меня ваше общество тоже, уж простите, не слишком радует. Зачем нам мотать друг другу нервы, если можно просто разойтись?

– Вам стоило подумать о том, насколько мое общество неприятно, до того, как принять мое предложение.

– Я тогда слишком мало вас знала.

– Неважно. – Он схватил меня за запястья, прошипел, притягивая к себе: – Вы могли отказаться, но не сделали этого.

Вообще-то не я, но, наверное, не стоит сейчас об этом говорить.

– Вы дали обеты, так держите... – Он осекся на полуслове, выпустил мою правую руку, приподняв левую. – Где браслет?

Я пожала плечами.

– Вы потеряли брачный браслет?!

На миг мне показалось, что меня сейчас ударят. Да что там – просто прихлопнут на месте. Шея сама собой вжалась в плечи, и очень захотелось зажмуриться.

Брачный браслет, значит. А я-то собиралась его продать. Немудрено, что Ксандер так взбеленился. На второй день семейной жизни узнать, что жена, пусть и нелюбимая, потеряла обручальное кольцо, – кто угодно взбесится.

– Не потеряла, – пискнула я.

– Тогда где он?! – Его пальцы сжались на моей руке.

– Отпустите меня!

Мне пришлось собрать всю свою смелость, чтобы попытаться выдернуть руку. И этот человек хочет, чтобы я жила в его доме? Самоубийца я, что ли? Да я в своем-то буду ночевать с топором под подушкой!

Ксандер не отпустил – оттолкнул мою руку. Холодно повторил:

– Где браслет?

– Где-то наверху. Я сняла его, начав уборку, чтобы не мешался.

Он заметно расслабился.

– Сходите за ним, наденьте, и поехали. Мне надоела эта перепалка.

В груди свернулся ледяной ком. Он сильнее, и в доме никого нет, кроме нас двоих, но по крайней мере это мой дом. Если я соглашусь сейчас поехать с Ксандером, то окажусь в его власти полностью. Он не дурак и второй раз сбежать не позволит.

– Я не надену его, пока не закончу убираться. – Если вообще надену. – И никуда не поеду.

– Опять вы за свое!

– Вы так и не смогли аргументировать, зачем бы мне бросать свой дом ради вашего.

На его лице заиграли желваки.

– Потому что вы – моя жена. Сколько раз повторять, чтобы эта простая истина наконец дошла до вашего умишка?

– Это не аргумент, а ваше личное мнение. Вы говорите, что жена должна жить в доме мужа, но ничем не подтверждаете это. При том что бремя доказательств лежит на постулирующем. – Ксандер изумленно моргнул, а я продолжала: – Отсылка к авторитетам тоже не принимается. Мне нужны... – Тьфу ты, чуть не брякнула «рецензируемые источники». – Есть ли какие-то законы, обязывающие супругов проживать вместе?

Ксандер открыл рот. Закрыл. Покачал головой

– Вот как вы заговорили... – протянул он. – А я-то, дурак, поверил наивному личику и перепуганным глазкам.

Мое терпение лопнуло.

– Вы решили, что достаточно напугать жену как следует, чтобы она стала тихой и не мешала? – Я шагнула к нему, выпрямляясь. – И после этого будете обвинять меня в притворных обмороках, хотя сами и стали их причиной?

Ксандер сжал кулаки, и мне снова показалось, что меня сейчас ударят. Но он лишь холодно произнес:

– Не знаю, что вы себе надумали, но я не собирался вас пугать. Я намеревался быть вам заботливым мужем и надеялся, что вы ответите мне тем же.

Ага, верю. Это проявление заботы такое – «повоспитывать» до смерти. Я мысленно поежилась, изо всех сил стараюсь держаться уверенно.

– Я благодарна вам за ваши намерения и сожалею, что не могу оценить их по достоинству. – Я хотела сказать это мягко, но против моей воли в голос просочился яд, и лицо Ксандера потемнело. – Если нет никакого закона, обязывающего супругов жить вместе, давайте просто признаем, что я оказалась никудышной женой, и перестанем мотать друг другу нервы. Раз уж разводы невозможны...

– Вам не надоело меня оскорблять? – Он вдруг одним рывком притянул меня к себе. Рыкнул в лицо: – Развод? Хотите выставить себя потаскухой, а меня – рогоносцем в пер-

вый же день после свадьбы? Или, еще того лучше, ославить меня импотентом? Я начинаю жалеть, что не довел...

Не договорив, он впился в мои губы. Яростно, напористо, жестко, ни капли нежности не было в этом поцелуе – лишь злость и желание обладать. Но почему-то эта ярость отозвалась во мне вожделением. Я попыталась отпихнуть Ксандера – ровно для того, чтобы обнаружить, что сама целую его – так же яростно и напористо, не желая ни сдаваться, ни отпустить. По нервам словно пробежал ток, собрался тяжестью и жаром внизу живота. Ароматы сандала и мускуса, смешанные с запахом разгоряченного тела, дурманили, кружили голову, заставляя подгибаться колени.

Он ухватил меня за волосы на затылке – властно, на грани боли, но все же не переходя ее, спустился по шее поцелуями – колючими, жесткими, больше походящими на укусы, и каждый заставлял меня вздрагивать, отзываясь сладко-напряженным спазмом между ног.

– Вот так, – выдохнул Ксандер, подхватывая меня под бедра.

Торжество, прозвучавшее в его голосе, действовало на меня словно ведро ледяной воды на голову.

– Пусти! – Я рванулась – без толку. Заколотила кулаками по его груди – кажется, с таким же успехом я могла бы колотиться в стену. – Пусти! Я не хочу!

Он зарычал, притиснул меня к себе еще сильнее, так, что я ощутила его возбуждение, – и вдруг выпустил. Резко, почти

отшвырнув. Застыл, тяжело дыша.

Едва удержавшись на ногах, я попятилась, пока не уперлась спиной в дверь. Уставилась на Ксандера снизу вверх, точно кролик на удава. Никогда в жизни я не ощущала себя настолько беззащитной.

Он с видимым усилием расслабил плечи. Натянул на лицо глумливую улыбку.

– У вас очень странная манера выражать нежелание близости.

Не в силах больше оставаться с ним в одном помещении, я рванула на себя дверь, метнувшись за нее. Захрустело под ногами разбитое стекло, но мне было все равно. Куда угодно, только подальше от мужа!

Я налетела на распахнутую дверцу шкафчика, вскрикнула. Дверь за спиной отворилась, я развернулась к ней, отчетливо сознавая – не убегу. Потому что не знаю, от кого убегаю на самом деле – от него или от себя.

Усмешка сползла с лица Ксандера. Он оглядел комнату – медленно, внимательно, и во взгляде его промелькнула непонятная горечь. Разом перестав обращать на меня внимание, он наклонился, поднял с пола... кажется, это было кольцо. Широкое гладкое кольцо вроде наших обручальных, только медное. Покрутил его в пальцах.

– А я-то гадал, почему артефакт не сработал, – непонятно произнес он. Сжал кольцо в кулаке так сильно, что побелели костяшки.

– Что это? – не удержалась я от любопытства.

– Первый артефакт, который я зачаровал уже по-взрослому. – Он снова усмехнулся, как-то очень невесело. – Поддерживающий нормальное течение беременности.

Ксандер опустил артефакт в карман и безошибочно двинулся к углу, где был вход в скрытую комнату. Я замерла – неужели заклинание пропустит и его? Нет, переливчатая пелена оставалась на месте.

– Откройте, – попросил он.

Я заколебалась, растерявшись, – слишком уж непривычно было слышать в его голосе просьбу, а не приказ.

– Пожалуйста, – добавил Ксандер, этим окончательно меня добив.

Я молча коснулась рукой шкафа, тот отодвинулся.

Муж шагнул вслед за мной, остановился у книжных полок.

– У графа Монро была великолепная библиотека, – задумчиво произнес он.

Графа? Со слов Люции мне показалось, что титул у меня появился лишь после замужества.

– Я все гадал: уцелела ли она. Смешно, как будто книги могут заменить людей.

Казалось, он вовсе забыл о моем существовании, разговаривая сам с собой. А я вдруг обнаружила, что люблюсь им: уверенной посадкой головы, чеканным профилем. Губами, которые, оказывается, умели так целоваться...

Да что за дурь в голову лезет!

Я мотнула головой, отступила к стене и ойкнула, когда деревянная панель под моей лопаткой сдвинулась, точно живая. Обернулась – в стене появилось отверстие, совсем небольшое, с открытку. Внутри лежала старая фотография.

Нет, не совсем фотография: стеклянная пластинка с негативом. Я взяла ее в руки, качнула – и под другим углом негатив превратился в фотографию.

– Папа... – вырвалось у меня.

Мужчина на дагерротипе – кажется так назывались первые фотографии на стеклянной пластинке – был чуть старше меня-настоящей и одет по местной моде, но я его узнала.

– Здравствуй, лисенок, – сказал портрет, и я едва не выронила пластинку.

Глава 8

– Надеюсь... – Он замолчал, словно осекшись. – Все, что мне сейчас остается – это надежда. Что... один человек успел предупредить твою маму. Что она смогла уберечь тебя. Что это мое последнее послание тебе передадут. Прости, лисенок, я не смогу быть с тобой, пока ты растешь, как хотел бы. Скоро у тебя родится братик, поцелуй его за меня, ладно? И позаботься, ты же старшая. Мальчишки такие бес-толковые...

Братик?

Я обернулась на Ксандера – единственного человека, который сейчас мог бы мне что-то объяснить, и испугалась, не его – за него. Белый как мел, и взгляд такой, словно ожившего покойника увидел. Впрочем, он ведь и в самом деле увидел покойника. Портрет между тем продолжал говорить, и я снова посмотрела на него, ловя каждое слово, словно этот человек в самом деле был мне дорог.

– Жаль, я не увижу, какой ты выросла, – но ты добрая и умная девочка, так что я верю, что у тебя все будет хорошо.

Он улыбнулся, и у меня сжалось сердце от этой улыбки. Да, это не мой отец, и письмо было адресовано не мне. Но то, как он прощался с дочерью... это обреченное спокойствие, когда исход заранее известен и ничего уже не изменить, остается только смириться...

Что же там случилось?

— А еще я верю, что человек, из-за которого ты останешься сиротой, получит по заслугам. — Выражение и тон его изменились. Никогда я не видела своего отца таким. . . На месте «того человека» я бы бежала без оглядки. — Мое последнее проклятие — ему, и пусть он переживет то же самое, что по его милости достанется мне.

Он снова улыбнулся, уже торжествующе.

— Быть по сему. Прощай, лисенок. Я люблю тебя.

Он в последний раз улыбнулся, и из волшебного послания исчезла жизнь, превратив его в фотографию на стекле. Фотографию совсем молодого еще мужчины, который знал о своей судьбе и торопился проститься с дочерью. Интересно, жене он успел отправить подобное послание и сохранилось ли оно?

Я погладила стеклянную пластинку. Свет, упав под другим углом, превратил фотографию в негатив, но стоило чуть повернуть голову, и изображение вернулось. Я осторожно опустила ее на стол — не разбить бы. Выпрямилась, поворачиваясь к мужу.

Ксандер дернул щекой, развернулся и, не говоря ни слова, вышел из комнаты. Захрустело стекло под ногами. Хлопнула дверь. Потом еще одна.

Я осталась стоять, озадаченно глядя ему вслед. Что на него нашло?

Он явно бывал в этом доме раньше. В аптеке, в лаборато-

рии. Значит, и родителей моих знал... что бы ни произошло десять лет назад, Ксандеру было лет восемнадцать – если он ровесник Александра, а не как я. И этот артефакт... для беременных.

«Братик»! Люция говорила, что у меня никого нет? Неужели у меня все же остался родственник? Где он? В приюте?

Не то чтобы я сразу прониклась любовью к этому гипотетическому брату, но нельзя, чтобы ребенок оставался сиротой при живых взрослых родственниках. Да, я пока сама еще не слишком понимаю, как буду жить, но, если у Алисии в самом деле кто-то есть, о мальчике нужно позаботиться. Ксандер бывал в доме, он должен знать...

Я метнулась на улицу, но все, что увидела, – удаляющийся экипаж.

Да что на него нашло? То примчался, чтобы забрать, то улетел так, будто за ним черти гнались, разом забыв про жену.

Впрочем, пусть катится, мне забот меньше. Но как мне найти брата? Может, Люция что-то знает?

Я разложила остатки еды из корзинки в тарелки. Перед тем как выйти, решила заглянуть в зеркало – мало ли, пыль на носу осталась или еще что.

Пыли на носу не было. Как не было и свежей царапины на скуле. Я ругнулась, схватившись за щеку, и вспомнила, как пальцы мужа скользили по этой царапине, как под ними

словно пробило током.

Вот она, значит, какая, целительная магия. А я-то думала, между нами искры летят. При этой мысли лицо зарделось. Вела себя как... Ни разу я настолько голову не теряла от мужчины, даже от Сашки, а тут... Наваждение нашло, не иначе. Вполне объяснимое, если уж начистоту, у этого Ксандера тестостерон только что из ушей не лился и... Хватит! Тестостерон тестостероном, но я же не самка в течке, чтобы голову от кобеля терять. На ночь нужно запереть дверь на засов, а то мало ли что этому типу в голову взбредет.

Мне самой в голову мгновенно взбрело много чего. В весьма разнообразных позах. Да что ты будешь делать! Я выругалась, глянула в зеркало и выругалась снова – распухшие губы, а на шее розовеют следы от его поцелуев.

Пришлось потратить еще несколько минут, чтобы найти косынку и красиво задрапировать ее, прикрыв декольте. Оглядев себя в последний раз, я осталась довольной: шея выглядела вполне прилично, а губы... может, у меня на капусту аллергия. Огладила корсаж и обнаружила что юбки все еще завязаны узлом на бедре. Что за день сегодня, голова вообще не варит! Чуть не вышла так наружу!

Я расправила узлы, опять посмотрела в зеркало – теперь уж точно все в порядке – и через несколько минут стучалась в дверь соседнего дома.

Дверь открыла крепко сбитая женщина лет сорока.

– Что угодно? – спросила она таким тоном, будто хотела

сказать «чо приперлась».

– Я хотела бы увидеть... – Я замялась. Как правильно здесь обращаться? – Госпожу Сапфира.

– Не принимают, – буркнула тетка и захлопнула дверь перед моим носом.

Интересно... Это лично я в немилости или она со всеми гостями так обходится и легенды о хорошо вышколенной прислуге – лишь легенды?

Впрочем, кто сказал, будто эта женщина – «хорошо вышколена»?

Я постучала снова.

– Сказано тебе, не принимают! – донеслось из-за двери.

Я подняла взгляд к открытым по теплоте окнам и повысила голос:

– Доложи обо мне хозяйке, или очень скоро все соседи будут знать, что графиня Гилбрайт отказала от дома госпоже Сапфире из-за дурно воспитанной прислуги.

В окне показалась голова Люции.

– Алисия, милая, что случилось? – пропела она.

Я улыбнулась:

– Пришла вернуть корзинку.

Патоки в моем голосе было столько, что у нормального человека все слиплось бы, но хозяйка дома осталась невозмутима.

– Не стоило беспокойства, но передай корзинку Мэри.

Ах, вот как...

Я улыбнулась еще шире.

– Хорошо. Спасибо за заботу. Вернувшись к супругу, я обязательно расскажу ему, сколько участия вы ко мне проявили.

Я была наугад, конечно. Люция могла и соврать, что ей невыносимо было гостить в доме Ксандера. Но характерец моего муженька – чтоб его! – наверняка ей известен. Едва ли он от души поблагодарит тех, кто, вольно или нет, помог сбежать его жене. Точнее, наверняка поблагодарит. От всей души, доброй и щедрой, и память у него явно хорошая, долгая. К тому же у лучшего столичного целителя – если, конечно, Люция не преувеличивала – наверняка много влиятельных знакомых.

– Не стоит благодарности. – Улыбка Люции растянулась до ушей, но в голосе промелькнула едва заметная озабоченность. – Зайдешь, выпьешь чая?

Надеюсь, она не подмешает в чай мышьяк. Впрочем, беспокоиться об этом было поздно. Я шагнула в открывшуюся дверь.

Внутри все выглядело так, будто дом когда-то знал лучшие времена. Откровенной разрухи не было, и все же... пыльный бархат занавесей, паутина в углах под потолком, едва заметный запах прогорклого жира, долетевший из кухни, когда все та же служанка с кислой миной подала чай. Я сама не была идеальной хозяйкой, и беспорядок меня никогда не пугал, но бывает беспорядок деятельный, а бывает – унылый.

Этот выглядел унылым. Словно поняв, что немногочисленная прислуга не справляется с домом, хозяева махнули рукой и предоставили времени разрушать жилище, сколько ему заблагорассудится.

Впрочем, чай был ароматным и вкусным, да и булочки с маком, которые к ним подала все та же служанка с кислой миной, оказались выше всяких похвал. Жаль только, к ним прилагался изучающий взгляд Люции – остановившийся сперва на моих губах, потом на шее.

Нет, я не буду краснеть. Не буду, я сказала! В конце концов, в поцелуях законного мужа нет ничего неприличного.

– Я помню эту косынку. Бедняжка Надин ее очень любила.

– Да, красивая вещь, – согласилась я.

– Ты, я вижу, не скучала в одиночестве?

Интересно, что на самом деле скрывается за этой попыткой подколоть? Только ли желание самоутвердиться за счет неопытной девочки? Или что-то большее?

– О, нет, – я изобразила самую глупую физиономию, на которую была способна, – за уборкой скучать не приходится.

– Уборка? Мне показалось, у тебя были гости.

– Конечно, Айгор заходил.

Вот оно! Ей очень не нравится, что сын мной увлекся. Интересно, в чем причина – только лишь в страхе потерять влияние или есть что-то еще? Разумеется, я ему не пара – но ведь и он не жениться собрался.

– ...принес еду, еще раз большое вам спасибо за нее. Но

я не стала утомлять его долгими разговорами. – Я снова наивно улыбнулась. – Едва ли я могу всерьез заинтересовать образованного молодого человека. Да и работы было много. Вы не представляете, во что превратился дом за эти десять лет! Пыль, паутина!

Люция скривилась, проследив за моим взглядом. Паутина над гардинами переливалась радугой в лучах закатного солнца.

Это тебе за «не скучала». Но как бы вывести разговор на то, что меня интересует? Или спросить прямо?

– И еще я перебрала мамины наряды. – Я поправила край косынки, аккуратно, чтобы не открыть шею. – Кажется, я начала вспоминать. Все-таки в родном доме и стены помогают... – Я помолчала. Люция на провокацию не повелась, пришлось продолжить: – Только странно. Я вроде бы помню эту вещь на маме, но почему-то мама видится мне беременной.

Люция подскочила.

– Что за ужасные слова ты говоришь!

– Что ужасного в беременности? – теперь уже совершенно искренне удивилась я. – По-моему, это прекрасно...

– Это деликатное состояние действительно прекрасно. – Люция сейчас выглядела так, будто проглотила живую пиявку. – Поэтому такие грубые эпитеты...

Ах, вот оно в чем дело! Я невольно бросила взгляд на ножки кресел – неужели и здесь их драпируют, чтобы не наводи-

ли на неприличные мысли о дамских ножках? Нет, до такого маразма здесь не дошли, слава местному богу.

– Конечно, приют есть приют, и трудно ожидать хорошего воспитания. Но теперь ты вернулась в то общество, которое подобает тебе по праву рождения. Милая, тебе надо очень внимательно следить за своими словами.

– Хорошо, госпожа Сапфира.

Она снова сладко улыбнулась.

– Для тебя я всегда «тетя Люция».

– Хорошо, тетя Люция. Но все же я хотела бы знать, что случилось с малышом.

Она извлекла из рукава кружевной платочек, промокнула сухие глаза.

– Правду говорят, что господь ничего не делает зря. Сейчас я думаю: то, что ты потеряла память, на самом деле – благословение.

Интересная трактовка психогенной амнезии², конечно, вот только у меня – не она. И...

– Не думаю, что не помнить, кто ты есть, может быть благословением.

Люция покачала головой.

– Тогда ты была слишком юна, чтобы запомнить. Сейчас – чтобы понять. Раз уж теперь вы навеки связаны с Ксандером... Лучше тебе не знать всего и спокойно вернуться к

² Диссоциативная или психогенная амнезия – вытеснение из памяти некоторых событий после психической травмы.

мужу.

Глава 9

Он-то тут при чем?

– Вы хотите сказать, он... Моя мама и мой муж?..

На самом деле я сама в это не верила. Конечно, юноша может закрутить с женщиной лет на десять старше него, или сколько там было матери Алисии. Способен и зачать внебрачного ребенка. Возможно, что и муж этой женщины окажется достаточно благороден, чтобы назвать ребенка своим, не ославив жену на весь свет. Но в таком случае он постарался бы, чтобы эта история не стала всеобщим достоянием. И вряд ли отзывался бы о будущем малыше с таким теплом.

– Что ты, конечно, нет! – ужаснулась Люция. – Твои родители были верными и любящими супругами. Как тебе такое в голову могло прийти!

– Тогда при чем здесь...

– Господь мудр, и я не буду оспаривать его мудрость. Незачем тебе знать.

Один вылетает из дома с перекошенным лицом, вторая твердит, что мне лучше не знать. Да что же там случилось?

– Но если у меня есть брат... или сестра, – добавила я, чтобы не показаться слишком уж осведомленной, – я должна позаботиться о ребенке.

– Ты о себе-то не можешь позаботиться, милая. – Она в который раз приложила к лицу платочек, и мне захотелось

вырвать у нее из рук этот кусок кружевного полотна и затолкать ей... пусть будет в глотку. Хотя вряд ли подобные методы сделают кого-то разговорчивей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.